

Гоффман.

Личная жизнь хулигана

Ежи Гоффман – кинорежиссер и киносценарист.

Родился 15 марта 1932 года в Кракове, в семье врачей.

В 1940 году был вывезен в Сибирь.

В Польшу вернулся после окончания войны. Аттестат зрелости после окончания школы получил в 1950 году в Быдгощчи.

В 1955 году окончил режиссерский факультет ВГИКа в Москве. Дебютный фильм – короткометражную ленту «Находишься ли ты среди них?» – снял вместе с Эдвардом Скужевским в 1954 году. Работали вместе до 1966 года, сняли множество документальных фильмов и три полнометражные игровые картины:

«Гангстеры и филантропы» (1962),

«Закон и кулак» (1964),

«Три шага на земле» (1965)

В 1969-м поставил фильм «Пан Володыевский», в 1974-м – «Потоп», в 1982-м – «Знахарь».

В 1980 году Ежи Гоффман стал художественным руководителем кинообъединения «Зодиак».

В 1989 году начал работу над реализацией своего давнего замысла – экранизировать последнюю часть трилогии Генрика Сенкевича «Огнем и мечом».

Лишь десять лет спустя Е.Гоффману удалось осуществить этот проект, в котором он выступил как режиссер и продюсер самого масштабного с точки зрения художественного воплощения и технического обеспечения кинофильма в истории польской кинематографии.

6 декабря состоялась московская премьера фильма «Огнем и мечом».

Мы публикуем фрагмент из только что вышедшей в Польше книги «Гоффман. Личная жизнь хулигана» Станислава Завицзыньского, расспросившего своего героя про всю его жизнь.

– Пан Ежи! Что вас когда-то побудило поехать учиться в Московский киноинститут?

– Дух противоречия. Родители хотели, чтобы я стал врачом. В нашей молодежной организации, членом которой я был, хотели, чтобы я стал политическим деятелем. Это не соответствовало моим устремлениям. Поэтому через нашу организацию Польской молодежи я оформил документы для учебы за границей, так как знал о существовании такой возможности.

– Вы считали, что склонны к художественному образованию, к искусству?

– Еще в гимназии я часто выступал на торжественных мероприятиях, читал стихи. Я также делал небольшие постановки для клубов, ну, типа «Парижская коммуна» – целые композиции расписывал по участникам, музыкальным инструментам, задействовал оркестр. Я ходил на лекции театрального режиссера пана Муската. Журнал «Клуб» опубликовал сценарии тех моих работ. Еще я писал радиопередачи для местного радио и стихи.

– Я не подозревал, что вы писали стихи.

– А вы в молодости не писали стихов?

– Ну, может быть, несколько.

– Я тоже их немного написал, но некоторые были напечатаны в газете. В общем-то выбор учебного заведения не был случайным. Если бы я не стал кинематографом, то мог бы стать еще историком – история мне нравилась с ранней молодости. Поэтому мне так трудно забыть обиду (во всяком случае я так тогда это ощутил), когда в первом классе гимназии профессор истории обвинил меня в том, что я списал работу у своего коллеги. А было как раз наоборот. Вскоре ситуация прояснилась, и по истории я всегда получал высшие отметки.

– Ваши родители не были против учебы в Москве?

– Даже если бы они были против, то меня бы не оставили. А у меня не было никаких сомнений в том, что я справлюсь. Мне еще повезло на отборочных экзаменах в нашем Министерстве культуры. Один из экзаменаторов, разочарованный моими ответами, взял в руки мои документы, прочитал их и, глядя на меня сквозь толстые стекла очков, спросил: «А Зигмунт Гоффман из Войска Польского вам не родственник?». «Это мой отец», – ответил я. «Ну, спасибо», – сказал он. Это был профессор Станислав Вохл.

– Короче говоря, он вам помог!

– Да! Я попал в институт по знакомству. Впрочем, в какой-то момент чуть было не сорвалась эта поездка во ВГИК. Дело в том, что всех, отобранных для обучения в СССР, разместили в Варшаве в студенческом общежитии на улице Нарutowича. Здесь с нами занимались русским языком и преподавали политические предметы. Поэтому уже на первых двух курсах мне так все надоело, что я стал или засыпать на лекциях, или удирать с них. И однажды мы убежали целой группой в «Камерный». И за этот поход нас подвергли дисциплинарному взысканию.

– Туда нельзя было ходить?

– Смотря кому. Нас обвинили в буржуазно-мещанских взглядах.

– А кто обвинил?

– Администрация курсов. Тогда в дисциплинарной ко-

миссии заседала одна дама, которая на наш вопрос: носят ли в Советском Союзе шляпы? отвечала: «Бывает, что там носят шляпы, но если кто-нибудь из наших появится в шляпе, нам за него будет стыдно!»

– Вы шутите?

– Нет. Так было.

– В конце концов вы поехали в Москву.

– Мне снова помог случай. Один усердный студент из Катовиц, которого на курсах готовили в Москву в аспирантуру, сказал, что я являюсь вожаком и что это я советует его с пути истинного. Такое его заявление даже в идеологической комиссии вызвало неудовольствие. И его отослали домой, а меня как-то оставили.

– Перед выездом в Москву вы уже были членом партии?

– Я был лишь кандидатом. И поэтому в Москве ко мне внимательно присматривались – ведь шел кандидатский срок. Только когда я стал писать передачи для московского радио, то признали, что мы со Скужевским воспитаны правильно, и меня официально приняли в партию.

– А Скужевского?

– Он всегда был беспартийным.

– Были ли вы своеобразным идеологическим прикрытием для него?

– Никогда об этом не думал. Мы вообще всякую принадлежность к партиям трактовали достаточно свободно.

– Вы с Эдвардом Скужевским работали тандемом с самого начала вашей учебы?

– Да. Со вступительных экзаменов, где и познакомились, мы почти все время проводили вместе. У нас были общие приключения, каникулы, общие замыслы. Эдек был свидетелем на моей свадьбе и на моем разводе, а я – на его. После возвращения из Москвы Эдек года два, наверное, жил вместе со мной у моих родителей. Мы вместе работали.

– Это была настоящая мужская дружба?

– Абсолютно так. Нас объединяла не только совместная профессиональная деятельность.

– Вы упоминали о радиопередачах, которые обеспечили вам в Москве хорошую репутацию?

– В институте мы были на хорошем счету. Но землячество польских студентов, вернее, совет польских студентов при посольстве все время имел к нам какие-то претензии. А мы в общежитии создали радио «Пиккололино» и делали передачи до джазовой музыки. Вдруг нас пригласили на настоящее московское радио и попросили рассказать, как мы здесь себя ощущаем, как проходит учеба. И однажды мы предложили этому радио делать для них литературно-музыкальные передачи. Они согласились.

– О чем были ваши радиопрограммы?

– О разных национальных традициях, например, о свадьбах в деревне, в колхозе. С музыкальными иллюстрациями ансамбля «Мазовше». За час такой передачи нам платили 2,5 тысячи рублей. Для сравнения – наша стипендия в то время составляла 800 рублей. И при повторе наших передач также получали гонорар. И мы почувствовали себя в Москве королями!

Мы были в состоянии даже отказаться от общежития и снять номер в фешенебельном «Национале».

– А как вы уже теперь, по прошествии времени, оцениваете уровень учения в Московском институте кинематографии?

Экран и сцена –